

Томас Далтон

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ *MEIN KAMPF*

1 января 2016 года истек срок авторского права на книгу *Mein Kampf* («Моя борьба»). Со дня смерти автора прошло уже более 70 лет, и по международному закону об авторском праве правовая защита книги истекла. Поэтому, возможно, наступило подходящее время, чтобы пересмотреть и вновь исследовать эту самую печально известную работу – и, возможно, изгнать из истории некоторые из многочисленных мифов, окружающих это произведение.

Фактически уже давно назрел момент для ревизионистского переосмысления этой книги. По моему опыту, очень немногие люди действительно понимают то, что содержится в ней. Обычный человек, даже образованный, вероятно, знает немного больше, чем ее название и имя автора. Ревизионисты, которые занимаются Холокостом или любой из мировых войн, часто полностью обходят эту книгу, как будто она вообще уже не имеет никакого значения; вероятнее всего, они никогда не читали ее. Традиционные журналисты, ученые и предполагаемые эксперты часто выдают свое невежество, вырывая отдельные места из контекста, пропуская ключевые факты, или просто, будучи не в состоянии правильно процитировать автора. Вообще говоря, подход господствующего, «мэйнстримного» течения к *Mein Kampf*, кажется, довольно похож на его тактику относительно ревизионизма Холокоста: игнорировать, подвергать цензуре или осуждать. Просто слишком проблематично обсуждать это произведение таким способом, который мог бы заставить читателей задавать серьезные вопросы или искать саму книгу.

Значительной частью причины непонятности этой книги кроются в жалком состоянии многих ее переводов на английский язык. Эти переводы мы будем обсуждать и критиковать ниже. Это также одна из причин того, что я в настоящее время работаю над новым, параллельным немецко-английским переводом – самым первым, фактически. Я попытаюсь исправить многие недостатки в ныне существующих версиях и представить что-то вроде взгляда ревизиониста на все это произведение. В данном эссе я исследую переводы, обсуждаю некоторые главные темы книги, и приведу доводы в пользу ее важности в настоящее время.

Самое важное произведение

Моя борьба является автобиографией и четко сформулированным мировоззрением одного из самых важных и провидческих лидеров в мировой истории. Это также один из наиболее опороченных и представленных в ложном свете текстов двадцатого столетия. Очень много путаницы, обманов и прямой лжи было распространено вокруг этой книги, поэтому люди вряд ли знают, с чего нужно начинать. Тем не менее, настало время правдиво рассказать эту историю.

То, что Адольф Гитлер вообще взялся за такую работу, является самой большой удачей. Не являясь ни формальным ученым или преподавателем, ни прирожденным писателем, и будучи полностью озабоченным прагматическими вопросами создания и развития партии, он никогда, возможно, не приступил бы к такой большой задаче – если бы не роскошь годового тюремного срока. Это один из многих парадоксов в жизни Гитлера, что только такой неблагоприятный случай побудил его надиктовать раннюю историю своей партии и свое собственное жизнеописание. Это стало затем Первым томом его главного произведения на 700 страницах и в двух томах. Этой книге предстояло оказать сильное воздействие на мировую историю и начать цепь событий, которая все еще не закончилась полностью. В этом смысле *Mein Kampf* сегодня столь же важна, как и тогда, когда эта книга была впервые написана.

Витрина с экземплярами книги «Моя борьба» Гитлера. Центр сбора и хранения документации в Зале Конгресса, Нюрнберг, Германия.

Возможно, здесь нужно начать с объяснения причин появления этой книги. Почему Гитлер вообще написал это? Ясно, что это не было требованием; многие крупные политики в истории пришли и ушли, не оставив после себя личного письменного отчета. Даже свое время пребывания в тюрьме он мог бы потратить на общение с партийным руководством, выстраивание поддержки, поиск союзников, и так далее. Но он хотел потратить большую часть своего пребывания в тюрьме, документируя происхождение и рост своего нового движения. И это стало благом для истории, так же, как и для понимания человеческого духа.

Эта работа под рукой, кажется, служила, по крайней мере, четырем целям ее автора. Во-первых, эта книга автобиографическая. Этот аспект занимает большую часть первых двух глав и неоднократно встречается в оставшейся части Первого тома. Для тех, кого интересуют первые 35 лет жизни Гитлера, этот аспект неоценим. В книге содержится точный и правдивый рассказ о его воспитании, его образовании, и раннем развитии его мировоззрения. Как любая хорошая автобиография, она дает незаменимое непосредственное описание жизни автора. Но любая автобиография также демонстрирует нам обычное искушение представить события в выгодном для автора свете, преуменьшить недостатки или обойти неудобные эпизоды. В этом отношении Гитлер достигает хорошего результата; он дает честное и открытое жизнеописание, лишенное известных фальсификаций или умолчаний, которое важно для понимания его взглядов и его отношения к социальным, экономическим и политическим вопросам.

Во-вторых, *Mein Kampf* – своего рода урок истории Европы начала XX века. Гитлер был близким наблюдателем – и часто непосредственным свидетелем – многих важных событий того времени. Он прослужил в траншеях Первой мировой войны больше четырех лет, что практически соответствовало продолжительности всей войны. Служа на 'проигрывающей' стороне, он, естественно, дает другую интерпретацию событий, чем та, что обычно изображается историками победивших стран. Но этот факт должен приветствоваться любым беспристрастным наблюдателем, и он сам по себе делает чтение книги ценным. За редкими исключениями – такими как *В стальных грозах* Юнгера – никакой другой немецкий источник среди нехудожественной литературы того времени практически не доступен на английском языке. Для тех, кто интересуется Первой мировой войной и ее непосредственными последствиями, эта книга незаменима.

В ее третьем аспекте книга служит для того, чтобы задокументировать происхождение и основные характеристики мировоззрения Гитлера. Это, что неудивительно, является наиболее искаженной частью книги в ее стандартных западных версиях. Здесь мы находим озарения и события, которые заставили молодого человека без формального высшего образования разработать поразительные

тельно провидческую, экспансивную, и смотрящую в будущее идеологию. Главной заботой Гитлера, как мы читаем, было будущее и благосостояние немцев – всех немцев, независимо от политических образований, в которых они жили. Немцы, или *Volk*, «народ», были, как он верил, единой этнической группой с уникальными и едиными интересами. Они были – бесспорно – ответственны за многие из самых больших достижений в западной истории. Они были среди лидеров в музыке, литературе, архитектуре, науке и технологии. Они были великими воинами и строителями великой нации. Они в значительной степени были движущей силой за самой западной цивилизацией как таковой. Гитлер справедливо гордился своим наследием. В равной степени он был возмущен оскорблениями, которые был вынужден терпеть этот великий народ в те десятилетия – эти оскорбления достигли кульминации в роковом унижении Первой мировой войны и Версальского мирного договора. Он стремится, прежде всего, исправить эту несправедливость и восстановить величие немецкого народа. Чтобы сделать это, он должен идентифицировать и их основных противников, и дефектные политические идеологии и структуры, которые связывают их. Затем он обязуется обрисовать в общих чертах новую социополитическую систему, которая может помочь немцам для достижения более справедливой судьбы.

Наконец, в своем четвертом аспекте, *Mein Kampf* – своего рода руководство к действию. Эта книга описывает развитие и цели национал-социализма и *NSDAP*, или нацистской партии, во всех подробностях. Гитлер, естественно, хочет, чтобы его новое движение смогло взять в свои руки власть в Германии и в будущем Германском Рейхе. Но это не теоретический анализ. Гитлер – полностью прагматик. У него есть конкретные цели и определенные средства для достижения их. У него есть одно только презрение к *geistige Waffen*, интеллектуальному оружию, бессильной интеллигенции. Он требует результатов и успеха.

Важно и то, что его анализ в значительной степени независим от контекста. Он относится не только к немцам, или только к обстоятельствам середины 1920-х годов. Это – широкий универсальный подход, основанный на условиях современного мира и на самой природе человека. И как таковой, анализ Гитлером действия важен и полезен для многих людей сегодня – для всех тех, кто мог бы бороться за национальное величие тела и духа.

Эта сложная текстовая структура *Моей борьбы* объясняет некоторые из жалоб современных критиков, которые порицают Гитлера за недостаточную «последовательность» или «связность рассказа». У него в этой книге есть много целей, и при их достижении случается немало наложений разных моментов. Возможно, он должен был написать четыре книги, а не одну. Возможно. Но Гитлер был деятелем, а не писателем. Мы должны принять этот факт, взять то, что мы имеем,

и приложить все усилия, чтобы понять это открытым и объективным способом. Он не стремился написать роман-бестселлер. Он хотел задокументировать историю и способствовать своему движению, и в достижении этих целей он преуспел самым превосходным образом.

Происхождение и контекст

Родившийся 20 апреля 1889 года на территории современной Австрии Адольф Гитлер рос как гражданин многоэтнического государства, известного как Австро-Венгерская Империя. Это несовместимое объединение было сформировано в 1867 году с союзом австрийской и венгерской монархий; по этой причине Гитлер именуется это государство «двойной монархией». На протяжении всей ее пятидесятилетней истории эта страна всегда была слабо связанным соединением многих этносов, и никогда не была действительно объединенным государством. Этнические немцы в Австро-Венгрии были меньшинством и должны были изо всех сил стараться продвигать свои собственные интересы. Этот факт причинял Гитлеру бесконечные страдания; он явно чувствовал в себе больше привязанности к более широкому немецкому народу (*Volk*), чем к многоэтническому государству, в котором он родился.

В молодости его интересы склонялись к искусствам, живописи и истории. Это привело к противоречиям с его упрямым отцом, который рассчитывал на то, что его сын изберет безопасную и удобную карьеру чиновника. Но смерть его отца 3 января 1903 года, когда Адольфу было 13 лет, позволила молодому человеку самому определять свое собственное будущее. Два года спустя он переехал в Вену, занимаясь низкооплачиваемыми работами, чтобы выжить. В конце 1907 года умерла его мать. В возрасте 18 лет он попытался поступить в венскую Академию художеств для изучения живописи, но его внимание отвлекла архитектура. Он работал и учился в течение еще двух лет, и, в конечном счете, стал достаточно квалифицированным, чтобы работать полный рабочий день чертежником и живописцем акварелью.

Все это время он изучал массу человечества вокруг него. Он читал различные книги и статьи и публикации политических партий. Он наблюдал работу прессы. Он смотрел, как функционировали профсоюзы. Он как зритель сидел в парламенте. Он следил за событиями в соседней Германии. И его заинтриговали дела одного особого меньшинства в Вене: евреев.

Постепенно он стал убежденным в том, что двумя доминирующими угрозами немецкому благосостоянию были марксизм – еврейская форма коммунизма – и

международно-капиталистические евреи. Проблемы в существенной степени происходили из непригодной работы представительной демократии, которая пыталась служить интересам разных этносов. В конце концов, прекрасное и благородное понятие демократии стало не чем иным, как «еврейской демократией», работающей на интересы евреев вместо интересов австрийцев или немцев.

Когда в 1912 году Гитлеру исполнилось 23 года, он уехал в Мюнхен. Это был его первый расширенный контакт с немецкой культурой, и это воодушевляло его. Он прожил там два года – до начала Первой мировой войны в июле 1914 года. Взволнованный возможностью защищать немецкую родину, он записался в армию и служил на Западном фронте в Бельгии. После более двух лет службы он получил в октябре 1916 года легкое ранение и был отправлен назад в Германию, где провел некоторое время в запасном батальоне в Мюнхене. Потрясенный и ролью евреев там, и отрицательным отношением общества, он вернулся на фронт в марте 1917 года.

К тому времени война длилась уже около двух с половиной лет. По сути, она превратилась в тупик. Даже вырисовывающееся вступление американцев в войну – президент Вудро Вильсон объявит о вступлении в войну в следующем месяце, и американские войска скоро придут в Европу – имело бы небольшой и краткосрочный эффект. Однако, как объясняет Гитлер, у немцев фактически были причины для оптимизма к концу 1917 года. Центральные державы (прежде всего, Германия и Австро-Венгрия) нанесли решающее поражение Италии в Сражении у Капоретто, и русские вышли из войны после большевистской революции, тем самым высвобождая немецкие войска для Западного фронта. Гитлер вспоминает, что его соотечественники «с уверенностью ожидали» весну 1918 года, когда они ждали окончательную победу.

Ноябрьская революция и новое движение

Но все сложилось по-другому. Недовольство немцев слишком длительными военными усилиями раздувалось еврейскими активистами, призывавшими к массовым демонстрациям, забастовкам, и даже к революции против кайзера. В конце января 1918 года произошла большая забастовка на заводах по производству боеприпасов. Позже последовали действия различных рабочих и беспорядки в течение многих месяцев. Западный фронт держался, но Германия слабела внутренне.

В середине октября 1918 года немецкие войска на фронте близ бельгийского города Ипра подверглись атаке горчичным газом. Глаза Гитлера ужасно пострадали, и его отправили в военный госпиталь в Пазевальке, к северу от Берлина. В конце октября небольшое восстание моряков в Киле начало распространяться среди более широкого населения. Две главных управляемых евреями партии, социал-демократы (SPD) и Независимая социал-демократическая партия (USPD), призывали кайзера к тому, чтобы тот отрекся – что он и сделал 9 ноября. Еврейские активисты в Берлине и Мюнхене провозгласили затем независимые «советские» государства; детальное обсуждение этих событий см. у Далтона (2014). 11 ноября Германия формально капитулировала. После того, как пыль улеглась, было сформировано новое 'Веймарское' правительство, которое оказалось особенно восприимчивым к еврейскому влиянию.

Услышав о революции на своей больничной койке, Гитлер был потрясен. Все усилия и жертвы, принесенные на фронте, оказались потраченными зря. Еврейские агитаторы на родине смогли раздуть неудовлетворенность населения до такой степени, что кайзера отстранили от власти. Революционеры затем взяли власть и немедленно сдались врагу. Это было печально известным позорным «ударом в спину», который преследовал немецких националистов в течение многих последующих лет. И это было иницирующее событие, которое заставило Гитлера войти в политику.

В сентябре 1919 года, когда он работал на правительство, ему поручили следить и сообщать об одной малоизвестной группе, названной *Deutsche Arbeiterpartei*, или Немецкой рабочей партией (*DAP*). Он закончил тем, что сам присоединился к группе, и быстро взял на себя роль руководителя. К началу 1920 года выступления Гитлера привлекали сотни и тысячи людей. 24 февраля он объявил, что партия впредь будет называться Национально-социалистической рабочей партией Германии, или *NSDAP* – 'наци' на языке его хулителей. Именно этим «первым большим массовым митингом» Гитлер заканчивает Первый том своей книги.

Новое движение быстро росло. Гитлер формализовал свое лидерство в июле 1921 года. Серия бурных и иногда связанных с насилием общественных мероприятий произошла в следующие месяцы. В ноябре 1922 года идеологически близкий к Гитлеру Муссолини пришел к власти в Италии, что послужило поддержке как усилий национал-социалистов внутри страны, так и их международной репутации. 21 ноября газета *Нью-Йорк Таймс* напечатала свою первую большую статью о Гитлере: «Новый популярный идол поднимается в Баварии». Называя национал-социалистов «яростными антисемитами» и «реакционерами», но «хорошо дисциплинированными», *Нью-Йорк Таймс* рассматривала их

как «потенциально опасных, хотя не в ближайшем будущем». И это действительно было так – прошло еще десять лет, прежде чем они взяли власть в Германии.

Вскоре после этого другие события способствовали росту популярности национал-социалистов. Франция оккупировала Рурскую область в январе 1923 года, заявляя о нарушении Германией условий Версальского договора. Немцы восприняли это как серьезное оскорбление немецкого суверенитета. В то же самое время страну охватила печально известная немецкая гиперинфляция, уничтожающая сбережения обычных немцев и заставляющая их таскать целые сумки с пачками денег для даже самых маленьких покупок. К концу этого года Германия была в полном финансовом кризисе. Это принудило Гитлера и руководство *NSDAP* планировать революционный захват Мюнхена 9 ноября 1923 года.

Эта попытка *Путча*, или государственного переворота окончилась неудачей. В короткой перестрелке были убиты 16 нацистов и четыре полицейских. Гитлер и другие лидеры были арестованы в течение нескольких дней, попали под суд в феврале 1924 года и были приговорены к недолгому тюремному заключению. В целом Гитлер провел в тюрьме приблизительно 13 месяцев, получив освобождение в декабре того года. Именно за это время он и продиктовал то, что станет Первым томом его книги.

Гитлер, как сообщается, хотел назвать свою новую книгу «Четыре с половиной года борьбы против лжи, глупости и трусости». Издатель искусно предложил более короткое название: «Моя борьба», или *Mein Kampf*. Она была первоначально издана в июле 1925 года.

Затем Гитлер начал писать второй, более короткий том, чтобы закончить свою программу. Он появился в декабре 1926 года. В следующем году эти два тома были немного пересмотрены и объединены в одну книгу. Это так называемое 'второе издание' *Mein Kampf* вышло, когда Гитлеру было 38 лет.

Адольф Гитлер и казначей нацистского Рейха Франц Ксавер Шварц на торжественном открытии реконструированного Дворца Барлова на Бриннерштрассе, «Коричневый дом», Мюнхен, 1930 год.

Краткое содержание глав

Будет полезно представить очень краткое резюме главных тем каждой из этих 27 глав.

Том 1

- Глава 1: Молодость Гитлера. Отношения с родителями. Раннее образование. Интерес к истории и искусству. Возникновение чувства национализма. Глава охватывает период от рождения автора в 1889 году до смерти матери в конце 1907 года, когда Гитлеру было 18 лет.
- Глава 2: В одиночку проведенное время в Вене. Марксизм и международное еврейство как главные угрозы. Оценка и критический анализ венского правительства. Жизнь рабочего класса. Исследование Социал-демократической партии, и ее еврейское влияние. Роль профсоюзов. Расцветающий антисемитизм. Исследование разрушительной роли марксизма.

- Глава 3: Общие размышления об австрийской политике и представительной демократии. Недостатки многоэтнических государств. Критический анализ западной демократии. Недостатки 'принципа большинства'. Упадок пангерманского движения. Несчастный конфликт с Католической церковью. Антисемитизм и религия. Период охватывает жизнь Гитлера до 23 лет (1912).
- Глава 4: Переезд в Мюнхен. Критический анализ немецких союзов. Четыре возможных пути немецкой политики. Прирост населения и потребность в территории. Потребность в союзе с Англией. Начальное обсуждение роли арийцев. Марксизм как смертельный враг. Покрывает период до середины 1914 года.
- Глава 5: Начало Первой мировой войны. Гитлер идет добровольцем в армию в возрасте 25 лет. «Крещение огнем».
- Глава 6: Роль и необходимость пропаганды. Эффективное использование её Англией; пропагандистские неудачи Германии.
- Глава 7: Ход Первой мировой войны. Ранение Гитлера в конце 1916 года. Евреи и отрицательное отношение, неистовствующее в Мюнхене. Забастовка на заводах боеприпасов в начале 1918 года. Гитлер отравлен горчичным газом в октябре 1918 года, в возрасте 29 лет. Ноябрьская революция.
- Глава 8: Послевоенное время в Мюнхене. Потребность в новой партии. Отрицательная роль глобального капитализма.
- Глава 9: Встреча с Немецкой рабочей партией (*DAP*). Первые митинги. Гитлер присоединяется к *DAP*, партийный билет под №7, в возрасте 30 лет.
- Глава 10: Анализ краха Германской империи в 1918 году. Господство международного капитализма. Воздействие прессы на массы. Еврейский контроль прессы. Борьба с эпидемией сифилиса. Культурный распад в современном искусстве. Неэффективный парламент. Армия как источник дисциплины.
- Глава 11: Подробная расовая теория. Природа стремится улучшать разновидности. Расовое смешение между 'высшими' и 'низшими' типами приводит к физическому, моральному и культурному распаду. Арийцы как истинные основатели цивилизации. Арийская тенденция к самопожертвованию. Ариец против еврея. Евреи как паразиты. Поддельная еврейская 'религия'. Расширенное рассмотрение «образа жизни еврейства» – в историческом, социологическом, политическом понимании. Марксистское

мировоззрение. Подрыв евреями демократии. Вредные воздействия расовой примеси.

- Глава 12: Развитие *DAP*. Расширенное обсуждение потребности национализировать массы. Как организовать партию. Получение публичности. Второй главный митинг в октябре 1919 года. Рост успеха. Отказ от 'интеллектуального' оружия. Первый настоящий массовый митинг в феврале 1920. Переход к *NSDAP*.

Том 2

- Глава 1: Коррупция демократии. Понятие 'фэлькиш'. Преобразование идеалов в практику. Марксизм продвигает равенство рас. Государство должно служить расовой функции: способствовать лучшему.
- Глава 2: Три обычных понятия государства. Государство как средство для достижения цели: продвижение человеческой расы. Нужно поддерживать расовую целостность. Сильные меньшинства заканчивают тем, что становятся властью. Расовое смешение приводит к упадку. Государство должно способствовать здоровым детям. Основная евгеническая теория. Обучение «фэлькиш», для физической, умственной и моральной силы. Способствовать силе воли, решимости, ответственности. Меритократия.
- Глава 3: Гражданство, основанное на расе. Три класса: гражданин, подданный, иностранец.
- Глава 4: Аристократический принцип. Ценность человека. Марксизм способствует массовому мышлению. Правительственное правление лучших людей, а не большинства.
- Глава 5: Потребность в бескомпромиссном мировоззрении. Потребность в решительном руководстве. Программа *NSDAP* из 25 пунктов непоколебима. Только *NSDAP* действительно «фэлькиш».
- Глава 6: Резюме автобиографии. *NSDAP* должна доминировать в мнении масс. Нужно бороться против общих мнений. Брест-Литовск и Версаль. Важность устного слова. Марксизм процветал с помощью речей. Потребность в массовых митингах.
- Глава 7: Неубедительные буржуазные массовые митинги. Потребность в гласности. Контроль массовых митингов. Насильственные протесты. Партийный флаг и символ: свастика. Первое использование летом 1920 года. Численность партии к началу 1921 года. Массовый митинг 3 февраля в Цирке «Кроне». Попытка разрыва.

- Глава 8: Преимущественное право. Многочисленные «фёлькиш» движения. Тщетность компромисса и коалиции.
- Глава 9: Три опоры власти. В войне выжили худшие. Дезертиры и еврейские революционеры в ноябре 1918 года. Буржуазная капитуляция. Потребность в большом идеале. Создание SA (штурмовых отрядов). NSDAP не является ни секретной, ни незаконной. SA как обученные борцы. Марш в Кобург в октябре 1922 года. Оккупация Рура французами.
- Глава 10: Военная промышленность в Первой мировой войне. Бавария против Пруссии как диверсия. Курт Эйснер, еврейский революционер. Рост антисемитизма с 1918 года. Католики против протестантов как диверсия. Федерация против объединения. Оппозиция еврейскому Веймару.
- Глава 11: Роль пропаганды. Сторонники и участники. Потребность в ограниченном росте. Принцип вождя против принципа большинства. Приобретение газеты *Völkischer Beobachter*. Построение партии. Роспуск 9 ноября 1923 года.
- Глава 12: Вопрос профсоюзов. Потребность союзов. NSDAP должна сформировать союз. Союз на службе людям. Приоритет мировоззрения.
- Глава 13: Внешняя политика как средства для того, чтобы способствовать национальным интересам. Объединение немцев. Англия против Германии. Франция против Англии. Потребность союза с Англией и Италией. Евреи стремятся к мировому господству, расовому загрязнению. Вопрос Южного Тироля. Евреи выступают против немецко-итальянского союза. Только фашистская Италия выступает против евреев. Евреи приобретают власть в Америке.
- Глава 14: Политика в отношении России является самой важной. Высший приоритет: потребность в земле, жизненном пространстве. Победу одерживает сильнейший. Нужны не колонии, а только расширенный Рейх. Поворот к Востоку. Россией управляют евреи, она не может быть союзником. Единственные возможные союзы: Англия и Италия.
- Глава 15: Подчинение немцев. Соглашение в Локарно как дальнейшее подчинение. Франция стремится расчленить Германию. Война с Францией неизбежна. Франция занимает Рур, выступает против Англии. Нужно противостоять марксизму и уничтожить его. Провал пассивного сопротивления Куно.

Даже это краткое резюме демонстрирует противоречивый характер текста.

Предыдущие английские переводы

В течение первых нескольких лет существования книги у английских издателей не было никакой реальной потребности переводить и издавать *Mein Kampf*. Нацистское движение было маленьким, более или менее ограниченным Баварией. У него была небольшая перспектива роста или реальной власти. Просто не было большого интереса к этому малоизвестному баварскому политику.

Все это изменилось, когда Гитлер пришел к власти в 1933. Внезапно появилась потребность понять этого человека, который пришел к власти в возрасте только 44 лет. Британский переводчик Эдгар Дагдэйл предпринял первую попытку произвести английскую версию. Это был чрезвычайно сокращенный вариант, охватывающий только приблизительно 45 процентов полного текста. Он был издан в Англии Hurst & Blackett, и в США Houghton Mifflin, в конце 1933.

В 1936 году немецкое правительство решило, что оно будет спонсировать свой собственный полный английский перевод. Оно наняло британского автора и журналиста Джеймса Мёрфи. Тогда еще не было Второй мировой войны, и худшие эксцессы нацизма были все еще впереди, так что Мёрфи был склонен сделать доброжелательный и сочувствующий перевод. К сожалению, у него возник конфликт с национал-социалистическими чиновниками, и Мёрфи был 'уволен' где-то в 1938 году, не закончив работу. В результате какого-то неясного процесса немцы закончили версию проекта Мёрфи самостоятельно, и издали эту книгу в конце 1930-х. Сегодня она известна как Stalag Edition – издание для лагеря военнопленных, и в настоящее время она доступна в печати в двух формах: одна – у издательства Ostara Publications, и одна – у Elite Minds («официальный нацистский английский перевод»). Назвать эту версию 'неотполированной' – преуменьшение; ниже мы расскажем подробнее.

К 1939 году появились четыре новых версии. После своего увольнения Мёрфи возвратился в Англию и пересмотрел и закончил свой перевод, который был издан Hurst & Blackett в 1939. Это «настоящий» перевод Мёрфи; он широко доступен в Интернете, и продается в виде разных переизданий. Издательство Hutchinson переиздало перевод Мёрфи в 1969 году с длинным и враждебным предисловием британского историка Д. К. Уотта.

Во-вторых, британская фирма Reynal & Hitchcock набрала команду людей, возглавляемых Алвином Джонсоном, чтобы сделать их собственный перевод. Он был особенно враждебен к содержанию книги и национал-социалистическому движению вообще.

В-третьих, американское издательство Stackpole and Sons, произвело версию под руководством еврейского редактора Уильяма Соскина. Оно наняло еврейского социалиста Людвиг Лоре, чтобы написать предисловие. Неудивительно, что и этот вариант тоже был враждебной попыткой. Соскин успешно предъявил иск Houghton Mifflin за нарушение авторского права, и выпуск книги был остановлен после всего лишь нескольких месяцев.

Заключительная работа 1939 была вторым сокращением, произведенным американским журналистом – и будущим сенатором – Аланом Крэнстоном. Крэнстону также предъявили иск; он тоже проиграл, но успел до этого продать предположительно несколько сотен тысяч экземпляров.

Неудовлетворенное сокращенным переводом Дагдэйла, издательство Houghton Mifflin предприняло новый, полный перевод, который сделал еврейско-немецкий автор Ральф Манхейм (Манхайм). Издательство также попросило еврейско-немецкого журналиста Конрада Гейдена (Хайдена) написать краткое предисловие. Как и ожидалось, это был другой явно враждебный продукт. Книга появилась в 1943 году, и с тех пор непрерывно переиздается. До настоящего момента версия Манхейма считается 'официальным' переводом *Моей борьбы*; именно на нее ссылаются и ее цитируют почти все ученые и журналисты. Последнее переиздание Houghton Mifflin, вышедшее в 1998 году, включает предисловие печально известного еврейского сиониста Абрахама Фоксмана. Ясно, что немногое изменилось за прошедшие годы.

В течение нескольких десятилетий они были единственными существующими английскими переводами. Затем в 2009 году малоизвестный автор Майкл Форд издал свой собственный перевод через Elite Minds. У этого издания есть несколько недостатков, как мы покажем ниже.

Что-то вроде аромата этих попыток можно почувствовать в самых первых словах книги. В моем предстоящем переводе Глава 1 названа «В доме моих родителей». (Оригинал: *Im Elternhaus.*) Первое предложение: «Я сегодня считаю, что мне очень повезло, что судьба выбрала Браунау-на-Инне стать моим местом рождения» (*Als glückliche Bestimmung gilt es mir heute, dass das Schicksal mir zum Geburtsort gerade Braunau am Inn zuwies.*)

Таблица ниже дает название первой главы и ее первые несколько слов, в различных переводах.

Перевод	Глава 1	Первые слова
Дагдэйл	<i>My Home</i>	It stands me in good stead today that Fate...
Джонсон	<i>At Home</i>	Today I consider it my good fortune that Fate...
Мёрфи (Stalag)	<i>My Home</i>	To-day I consider it a good omen that destiny...
Мёрфи ('стандарт')	<i>In the Home of my Parents</i>	It has turned out fortunate for me today that destiny...
Манхейм	<i>In the House of my Parents</i>	Today it seems to me providential that Fate...
Соскин	<i>Childhood Home</i>	Today I regard it as a happy change that Fate...
Форд	<i>Childhood Home</i>	Today, I am pleased that Fate chose the city...

Разнообразие вариантов перевода даже этого простого вводного предложения поразительно. Можно представить себе проблемы, связанные со многими куда более сложными мыслями, которые следуют дальше.

Зачем нужен новый перевод?

Как вы видите, каждый из предыдущих переводов имеет большие проблемы и недостатки для современного англоязычного читателя.

Две основные версии – Мёрфи и Манхейма – написаны в стиле британских писателей начала двадцатого века. Они используют огромное количество архаичных 'англицизмов' и норм британского правописания, что делает чтение трудным, особенно для американцев в настоящее время. Хуже того, они пытаются слишком близко следовать за оригинальным стилем Гитлера. Как и большинство немцев того времени, Гитлер писал длинные предложения, вылепленные в длинные, сложные параграфы. Манхейм тщательно следует этому стилю, в

ущерб читателю; Мёрфи, по крайней мере, иногда разбивает длинные предложения на более удобочитаемые сегменты.

Хуже всего то, что оба главных перевода – просто плохие попытки. Они не читаются хорошо. Читатель неоднократно сталкивается с пассажами, которые являются неуклюжими, несвязными или непонятными. Здесь мало что осталось от плавности и лирической силы немецкого оригинала. Со своей стороны, Мёрфи слишком часто пользуется 'переводческой вольностью', вставляя произвольно неуместную терминологию и формулировки, или просто пропуская кое-что. Манхейм переводит более буквально, но в конечном счете оказывается едва ли более удобочитаемым. Читатель просто должен просмотреть примеры текста каждого из переводов, чтобы понять ситуацию.

Это неудачно, по меньшей мере. Почти похоже на то, как будто издатели намеревались, или по крайней мере предпочли, чтобы переводы было трудно прочитать. Конечно, это ограничивает распространение идей Гитлера, и облегчает отвергать их – удобная ситуация для многих критиков содержания книги.

За исключением Мёрфи, все стандартные издания выдают свои намерения агрессивными, враждебными и клеветническими комментариями в их предисловиях. Посмотрите на эту подборку замечаний:

- Джонсон: Гитлер «не художник в литературном выражении», и он «часто безразличен к грамматике и синтаксису». Его книга – «пропагандистское эссе, написанное страстным приверженцем», которое «искажает историческую правду», или «игнорирует ее полностью». Обсуждения Гитлером расовых проблем могут быть легко отвергнуты, потому что «самые великие антропологи двадцатого столетия согласились с тем, что 'раса' – фактически бессмысленное слово».
- Лоре: «Я не могу вообразить себе какую-либо другую книгу, которую я бы не одобрял сильнее». В книге есть «зверский стиль» и «бесчисленные противоречия». В основном, эта книга – «излияние преднамеренного извращения, неуклюжей подделки, ядовитой ненависти и рьяного обвинения».
- Манхейм: Гитлер – «параноик», который предлагает нам «несвязанные факты» и «в значительной степени неразборчивые полеты фантазии в вагнеровском духе». Он создает «мир мечты», мир «без цвета и движения».
- Гейден: *Моя борьба* была написана «в раскаленной добела ненависти». Она является «необоснованной, не подтвержденной документами, и

ужасно плохо написанной». «Книгу эту вполне можно назвать своего рода сатанинской Библией».

- Уотт: Книга является «затянутой, унылой, претенциозной, скучной и чрезвычайно плохо написанной». «Большинство утверждаемых в ней фактов ... очевидно не соответствуют истине». Это приводит «к невыносимо скучному немецкому стилю и полному отсутствию какой-либо интеллектуальной точности». Как работа политической философии, «она вообще не может претендовать на то, чтобы к ней относились серьезно». Расовая теория Гитлера – «мистический расистский фетиш арийства» – представляет собой «бунтующую смесь псевдонауки и поддельного историзма». Эта книга не противоречива, но это только выдает «ужасную последовательность безумца». В конечном счете, Гитлер – не что иное, как «мастер неуместного, неувоенного, полусырого и неправдивого».
- Фоксман: «Теории Гитлера были давно дискредитированы». Книга эта – «плод уродства и развращенности». Она «ненадежна как источник исторических данных», полна «лжи, упущений, и полуправды». «Зверский стиль книги, ребяческие отклонения, и самовлюбленный эгоцентризм» очевидны. Теории Гитлера являются «экстремистскими, безнравственными, и, кажется, обещают войну». «Сумасшедший план Гитлера» является «абсурдным» и даже «смешным». В целом, это «смешной трактат».

Любому переводчику, редактору или издателю, который включал бы такие слова, едва ли можно доверять, что он способен сделать честную работу. Намерение оказать влияние на читателя очевидно. Конечно, здесь никто не беспокоится об авторе, чтобы тот получил справедливую и объективную редактуру. На самом деле происходит как раз наоборот.

У недавнего перевода Форда, хотя он и не открыто враждебный, есть несколько других важных недостатков. У Форда нет никаких соответствующих данных для такой деятельности, никакого опыта подобных публикаций, никакой задокументированной истории с такими научными работами. Его примечания 'в тексте' являются неуклюжими и отвлекающими. Книга включает много дилетантских и карикатурных 'фотографий'. Нет никакого предметного указателя. И его так называемое издательство, Elite Minds, кажется, является какой-то группой защитников природы, которая сосредотачивается на экологии акул, и тому подобном. Это неудачно; последнее, что нужно публике, это еще одна вводная в заблуждение, непродуманная, и некачественная версия *Mein Kampf*.

У 'нацистского' или 'предназначавшегося для лагерей военнопленных' издания Мёрфи есть свои собственные проблемы. Версия, изданная Elite Minds, утвер-

ждает, что она подлинна, что означает, что она сохранила все оригинальные недостатки грамматики, пунктуации и правописания. Результат почти нечитаебен. Вариант, изданный Ostara, решает многие из этих проблем, но все еще читается плохо. Он действительно разбивает длинные параграфы, но уж слишком сильно; читатель, как правило, встречает параграфы из одного единственного предложения, как в газете. Этот подход разрушает весь поток и связность идей. И ни у одной версии нет предметного указателя или объяснительных сносок.

Мой предстоящий перевод намеревается решить и решает многие из этих недостатков. Во-первых, благодаря включению полного и оригинального немецкого текста, в параллельном переводе, английская формулировка может быть легко проверена. Эта техника часто использовалась в переводах классических греческих и латинских авторов, но никогда прежде в *Mein Kampf*. Заголовки разделов были добавлены, в тексте, жирным шрифтом. Немецкий оригинал использовал такие заголовки, но только наверху каждой страницы; читатель таким образом никогда не знал, где фактически начинался новый раздел. Эти заголовки были переведены и вставлены в соответствующих пунктах, по моей оценке, и непосредственно в текст. У моего перевода также есть полезные и важные сноски, нужный предметный указатель и библиография соответствующего вторичного материала источников. Наиболее важен из всех, тем не менее, тот факт, что английский вариант читается гладко и естественно.

Некоторые спорные темы

Само собой разумеется, что эта книга спорная. Ее на самом деле вполне можно назвать единственной самой спорной книгой в истории. И из-за этого типичный читатель, как более или менее гарантированно, получает предвзятую и тенденциозную информацию о ней. Из многих спорных заявлений и тем Гитлера четыре предмета заслуживают здесь краткого упоминания: национал-социализм, расовая теория, религия, и евреи.

Из многих упрощенных и затасканных гипербола в современном словоупотреблении использование слова 'нацист', «наци», конечно, занимает место среди самого худшего. Это грубый и почти комичный синоним всего злого, ненавистного, жестокого, тиранического, и так далее. Это совместимо с общей демонизацией всего, что связано с Гитлером.

«Наци» или «нацист» – это, конечно, сокращение слова «национал-социалист» (*Nationalsozialist*). Это было вызвано более ранним термином, 'Sozi', который был сокращением слова *Sozialdemokrat*, подразумевая социал-

демократическую партию, которая существовала с середины 1800-х годов. Гитлер и его коллеги редко использовали слово 'наци', вообще рассматривая его в качестве уничижительного – хотя Геббельс действительно однажды написал эссе и короткую книгу под названием *Nazi-Sozi*.

Как идеология, национал-социализм понят крайне неправильно. На самом деле удивительно, как много людей во всем мире сегодня неявно поддерживают некоторую форму этого. Большинство европейских стран, и многих других в мире, являются в той или иной форме социалистическими. Социализм – в свободной форме определяющийся как государственный контроль и надзор, по крайней мере, за определенными самыми важными частями экономического сектора – представляет собой контраст к капитализму свободного рынка, в котором коммерческие корпорации управляют такими вещами. Достаточно сказать, что социализм – эта уважаемая политическая и экономическая система во всем мире.

Национализм определяет своим наивысшим приоритетом благосостояние этнического государства и его традиционных жителей. Он направлен больше «внутри», чем «наружу». Он склоняется к экономической независимости и автономии, а не к глобализации и взаимозависимости с другими странами. Национализм, как правило, поддерживает и усиливает доминирующий этнос и культуру, и в значительной степени игнорирует этносы и культуры меньшинств. Это также едва ли неизвестно; сегодня сильные националистические движения есть во многих странах во всем мире.

Так случилось, что Соединенные Штаты не националистическое, ни социалистическое государство. Таким образом, их СМИ и их экономическая и политическая элита склонны отвергать оба эти понятия или злоупотреблять ими. Американцам функционально промывают мозги, чтобы они верили, что социализм – это зло. Об этом свидетельствует уничижительное применение этого ярлыка к президенту Обаме в последние годы. И также американцам внушают, что национализм – признак грубых, жестоких и примитивных диктаторов, да еще и расистов. Этот факт является разоблачающим; американская властвующая элита не хочет, чтобы кто-то задумался о том, что что-либо как национализм или социализм – или, упаси, Боже, национал-социализм – могло бы стать вероятной идеологией.

Ну, это верно, что у Гитлера его форма национал-социализма пошла дальше, чем эти фундаментальные понятия. Его национал-социализм явно избрал своей мишенью марксистов, евреев и глобальных капиталистов как врагов немцев. Он также стремился заменить представительную демократию более эффективным и

ответственным централизованным управлением. У Гитлера были рациональные аргументы по всем этим вопросам, как он объясняет в своей книге.

Фактически формальная декларация национал-социалистической системы – как она была заявлена в «Двадцати пяти пунктах Гитлера» – является удивительно прогрессивной и, мы рискнем сказать, умеренной. Она призывает к равным правам (пункты 2 и 9). Она дает гражданам право выбирать законы и правительство (6). Она отменяет наживу на войне (12). Она призывает к корпоративному разделению прибыли с наемными работниками (14). Она поддерживает пенсии по старости, сильный средний класс, бесплатное высшее образование, здравоохранение, благосостояние материнства, и религиозную свободу, включая явную поддержку «позитивного христианства» (15, 16, 20, 21, 24).

Среди «негативных» моментов, только относительно немногие пункты кажутся угрожающими или агрессивными. Программа предоставляет гражданство только этническим немцам, явно отрицая это право за евреями (4). Она блокирует дальнейшую иммиграцию и заставляет недавно прибывших иммигрантов уехать (8). Она стремится запретить все финансовые спекуляции с землей (17). Она призывает к смертной казни «предателей, ростовщиков, и спекулянтов» (18). Она требует, чтобы немецкоязычной прессой управляли только этнические немцы – но она не ограничивает прессу на других языках (23). И она выступает за «сильную центральную власть в государстве» (25).

С учетом того, насколько ярим антисемитом был сам Гитлер, удивительно, как легко отделяются здесь евреи. Им запрещают гражданство, и поэтому они не могут играть какую-то роль в правительстве или прессе. Недавно прибывшие (после августа 1914 года) еврейские иммигранты, как и все другие подобные иммигранты, должны уехать. И национально-социалистическое представление о религиозной свободе «борется против еврейского материалистического духа» (24). Но нет никаких угроз тюремного заключения или убийства евреев. Давно живущие в Германии евреи могут оставаться в стране. Нет никакой конфискации имущества, за установленными исключениями. И, конечно, нет ничего, что походит на вырисовывающийся вдали 'Холокост'.

В сумме национал-социализм Гитлера – по существу продукт немецкого национализма и прогрессивного социализма, объединенного с умеренной формой антисемитизма. Едва ли это похоже на воплощение зла.

Расовая теория

Mein Kampf содержит многочисленные ссылки на 'кровь' (*Blut*) и 'расу' (*Rasse*). Это всегда изображается в самых худших терминах, как какой-то демонический, наполненный ненавистью, слепой расизм. Но мы должны сначала понять, что такие слова были банальными в начале двадцатого столетия; терминология Гитлера, хотя и шокирующая сегодня, была фактически довольно обычна в то время. Не будучи ученым, и не располагая каким-либо существенным пониманием генетики в то время, понятно, что он использовал такие термины.

Поэтому буквальная интерпретация таких слов вводит в заблуждение. В современной терминологии 'раса' Гитлера правильнее рассматривается, как 'этническая принадлежность'. Он был больше *этнонационалистом* чем расистом. Его призыв к справедливости для «немецкой расы» в действительности относится к *этническим* немцам – народу, *Volk*. Если понимать это так, то его взгляды кажутся намного менее угрожающими, чем это обычно изображается. Да, он рассматривал этнических немцев как лучший народ. Да, он хотел лучшего для своего народа. Да, он не очень интересовался благосостоянием меньшинств или других национальностей. Но это едва ли можно назвать грехом. Много людей во всем мире сегодня борются за точно такие вещи, за права их собственных этносов. И они правы, что поступают так.

Даже сегодня обсуждение проблем расы является разумным и уместным. Это важный термин в биологической таксономии, указывающий на высший уровень, определяющий подгруппы в пределах вида *Homo sapiens*, «человек разумный». По мнению некоторых ученых, существует всего три расы: белая, черная/негроидная, и монголоидная/азиатская. В пределах каждой расы существуют различные этносы – всего в мире их насчитывается приблизительно пять тысяч.

Если подходить с таким критерием, то Гитлера мало беспокоила раса. Он сделал несколько уничижительных комментариев об афроамериканцах, но там не было ничего такого, что не было бы стандартным в то время. Он фактически восхищался определенными людьми азиатской расы, особенно японцами. Но его первоочередный интерес касался различных этносов белой расы. Он стремился к положению силы и влияния для этнических немцев; он искал союза с этническими британцами; и он стремился выступить против этнических евреев.

Затем есть печально известные рассуждения Гитлера 'об арийцах'. Кроме мимолетного упоминания в другом месте в книге, этот вопрос подробно обсуждается только в главе 11 Первого тома. Хотя там нет никаких разговоров о каком-либо

'сверхчеловеке' - никаких ссылок на *Übermensch* Ницше, например – ясно, что Гитлер рассматривает арийцев как высший человеческий тип, самый великий этнос, как инициатора и создателя цивилизации. Но заметьте, что он никогда не дает определение арийца. Скорее мы только узнаем, каким не может быть ариец: он не является темнокожим, не является ближневосточным, и, конечно, он не может быть евреем. Еврей – это антиариец, его темная и портящая противоположность. Ариец строит, еврей разрушает. Ариец производит, еврей потребляет. Ариец является идеалистом, еврей – материалистом.

В конце концов, арийца отличает не его превосходящий интеллект, не его большой творческий потенциал, но главным образом его альтруизм: ариец – самоотверженный человек, более готовый, чем любые другие, работать во имя общества. Таким образом он строит цивилизацию и культуру, и распространяет ее по всему миру. Неарийцы, в такой степени, в которой у них есть культура, получают ее от арийцев, как раз тем путем, что они используют ее и приспособивают для своих собственных потребностей. Но первоисточник культуры и тот, кто постоянно поддерживает и сохраняет ее, – это самоотверженный ариец.

У слова 'ариец' есть интересное происхождение, и оно не имеет никакого отношения к немцам. Слово это происходит из санскритского *arya*, означающего 'благородный'. Оно первоначально относилось к людям, которые переселились в Индию с севера приблизительно в 1500 до н.э., и к их языку. В индийской кастовой системе арийцы стали брахманами – самой высокой и самой благородной кастой у индусов. Именно они сохранили санскритский язык, и, в конечном счете, развили индийскую культуру. И последний интересный момент: те переселенцы с севера прибыли из области, которая известна сегодня как Иранское плато. Фактически слово 'Iran' происходит непосредственно от слова 'Aryan'; иранцы и были первоначальными арийцами.

Не будучи специалистом по древней истории, и не имея Интернета под рукой, Гитлер мало знал обо всем этом. Он просто подхватил слово, которое немцы и европейцы использовали намного раньше. На самом деле разговоры об арийцах как превосходящей расе возникли на несколько десятилетий раньше Гитлера. Это была главная тема книги француза Артура де Гобино [Эссе о неравенстве человеческих рас](#), 1855. И эта тема занимала видное место в изданной в 1899 году книге *Основания девятнадцатого столетия*, написанной англичанином Хьюстоном Стюартом Чемберленом, «превратившимся» в немца. К тому времени, когда Гитлер ухватился за этот термин, это была уже старая, никого не удивлявшая идея.

О религии

Среди других клеветнических обвинений Гитлер часто изображается как безбожный атеист, поклонник дьявола, антихрист, или какой-то маниакальный язычник. На самом деле он не был никем из них.

Скорее Гитлер был открыто благосклонен к христианству. Он называл его «религией любви», и ссылался на Иисуса Христа, косвенно, как на ее «возвышенного основателя». Он утверждал, что массы не являются и не могут быть философами; их этика должна исходить из традиционных религиозных источников. И он верил в отделение церкви от государства: «политические партии не имеют никакого права вмешиваться в религиозные вопросы». Он осуждал евреев, потому что они насмеяются над религией и изображают этику и мораль как «устаревшее чувство».

Его представление о Боге является довольно интригующим. Часто он обращается к своего рода космическому божеству или божественной власти, но во множестве нетрадиционных терминов. Мы находим много ссылок, например, на *Schicksal* – судьбу или рок. Мы читаем о «богине судьбы» (*Schicksalgöttin*). Гитлер пишет о «провидении» (*Vorsehung*), «роке» или «судьбе» (*Verhängnis*), и «Боге», «Господе» (*Herr*). В других местах мы находим упоминания «случая» (*Zufall*) и «вечного Создателя» (*ewige Schöpfer*). Том 1 завершается упоминанием «богини непреклонной мести» (*Göttin der unerbittlichen Rache*). Это не простые метафоры. Это, кажется, своего рода признание существования высших космических сил, но не таковых из традиционных религий.

В конечном итоге, Гитлер был больше всего оскорблен грубым материализмом: стремлением к деньгам и материальной власти. У этого представления нет никакого понятия идеализма, никакого понятия духовности, никакого видения более высоких сил во вселенной. Материализм был сущностью и марксизма, и капитализма – и оба были воплощены в еврействе. Именно поэтому эти вещи были, согласно Гитлеру, заклятым врагом любого человека, кто ищет более высокие цели в жизни.

Сам Гитлер вовсе не был каким-то поклонником религиозной догмы, но, кажется, он представлял себе будущее, которое сдвигалось к новому виду духовности, находящемуся на одной линии с работой природы. Мы можем, возможно, лучше всего рассматривать его как 'духовный, но не религиозный' тип личности, который особенно широко распространен сегодня.

О евреях

Как бы то ни было, Гитлер неизменно изображается как заклятый антисемит и ненавистник евреев. Мы должны ясно понимать: это абсолютно верно. О Гитлере было распространено много лжи, но этот аспект к ней не относится. Ключ в том, чтобы понять, почему же он придерживался такого взгляда.

Во второй половине главы 2 (Первый том) он удивительно подробно описывает свое постепенное открытие роли и воздействия евреев в обществе. Он вспоминает, что в юном возрасте он знал только одного еврейского мальчика, но не имел никаких особых чувств к нему так или иначе. Он даже не слышал, чтобы кто-то много обсуждал эти темы до его подростковых лет, и затем только в неопределенно отрицательном политическом контексте. Когда он в возрасте 15 лет переехал в Вену, он столкнулся с двухмиллионным городом, среди населения которого десять процентов составляли евреи. Сначала он едва ли замечал их. Когда же он их стал замечать, то он рассматривал их как представителей довольно странной религии, но так как он был вообще терпим к религиозному разнообразию, он не уделял им большого внимания. У него вызывала отвращение «антисемитская» пресса. Как он говорит, «по причине человеческой терпимости, я выступал против идеи, что [на еврея] нужно нападать только потому, что у него была другая вера».

Но затем Гитлер начал обращать внимание на массовую прессу основного направления. Эти газеты были информативными и либеральными, но часто яркими и резкими. Они, казалось, стремились заискривить перед коррумпированной монархией. И они были однородно критичны по отношению к немецкому кайзеру и его народу. Он заметил, что некоторые из антисемитских газет фактически более скептически относились к венской власти, и были более непредубежденными по отношению к немцам. В то же самое время он понял, что евреи были более многочисленными, чем он ранее считал. На самом деле определенные районы Вены были на 50 процентов, или даже больше, еврейскими. И они все, казалось, поддерживали странную идеологию: сионизм.

Кроме того, они были внешне и физически отталкивающими. Их черные кафтаны и пейсы выглядели смешными. У них было свое собственное странное понятие 'чистоты': «То, что они не были любителями воды, было очевидно с первого взгляда». Они плохо пахли: «Аромат тех людей в кафтанах часто вызывал у меня приступы тошноты». Это завершалось «неопрятной одеждой и вообще позорным внешним видом». В целом, жалкий вид.

Хуже всего, скрытая внутри, была их «моральная гниль». Евреи, казалось, были всевозможным образом вовлечены в самую разную сомнительную, аморальную и незаконную деятельность. Гитлер начал изучать ситуацию более подробно. «Фактом было то, что 90 процентов всей грязной литературы, художественного хлама и театрального идиотизма приходились на счет людей, которые насчитывали едва один процент населения страны. Этот факт нельзя было отрицать». Порнография, непристойное искусство и театр, проституция, торговля людьми... все это можно было связать с евреями.

Знаменитая господствующая венская пресса, как обнаружил Гитлер, была почти полностью еврейским предприятием. Еврейские авторы неоднократно хвалили еврейских актеров, писателей и коммерсантов. Людей, события, и политику, благоприятствующих евреям, хвалили, а все то, что было им невыгодно, осуждали. Даже доминирующей политической партией, социал-демократами, как оказалось, руководили евреи. После понимания этого, как говорит Гитлер, «пелена упала с моих глаз». Сложилась цельная мозаика: еврейская пресса, поддерживающая еврейскую политическую систему, как раз когда другие евреи получали прибыль от моральной коррупции людей. Прибыль и власть любой ценой; ложь и обман без раскаяния; и полное отсутствие беспокойства о справедливости, демократии, благосостоянии людей или даже о человеческой благопристойности. «Я постепенно начал ненавидеть их», говорил он.

Если смотреть глобально, то ситуация была еще хуже. Марксизм – продукт еврея Карла Маркса – пропагандировался евреями в Европе и во всем мире. Он стремился доминировать и управлять природой. Он стремился нивелировать все социальные различия, ниспровергая тем самым естественный порядок, в котором справедливо процветают действительно лучшие люди. В основном, это было учение и средство, с помощью которого евреи могли безжалостно взять в свои руки управление всеми странами. Как только бы это произошло, тысячи, или даже миллионы представителей коренных народов умрут. Большевицкая революция 1917 года в России была достаточно убедительным доказательством.

В других частях Европы доминирующей идеологией был капитализм. Здесь всем правили деньги. Здесь банкиры и корпоративные магнаты диктовали свою волю даже королям. Рынки должны быть открыты, международной торговле следовало способствовать, и займы высасывали богатство из масс. И стоило исследовать этих титанов капитала, как оказывалось, что они чаще всего были евреями.

Понимание этого нанесло Гитлеру разрушительный удар. Раскрытие коварной роли евреев было «самой большой внутренней революцией, которую я к тому

времени испытал». Действительно: «Из мягкосердечного космополита я превратился в отъявленного антисемита». Здесь он не скрывает своих взглядов.

Переход Гитлера в антисемитизм был примечателен. В отличие от всеобщего мнения, это не произошло ни произвольно, ни иррационально. Он не родился ненавистником евреев. Это был постепенный процесс, занявший длительный период времени, и основанный на его данных и наблюдениях о реальном мире. Его антисемитизм был «рациональным». Как он видел это, любой человек с честью и чувством собственного достоинства, любой, кого заботит человеческая жизнь, кто является сторонником целостного, естественного мира, обязательно должен быть антисемитом. В своем безжалостном преследовании своих собственных личных интересов, евреи, считал Гитлер, стали врагами всего человечества. Любого, кто не признавал этот факт – и поступал соответственно – он считал дураком.

Современный человек сегодня вздрогнет от ужаса при таких словах. «Монстр!» – скажем мы. «Риторика ненависти!» «Дьявол!» И все же, это не рациональные ответы. У современного человека просто выработаны условные рефлексy, чтобы говорить такие вещи. Но мы должны быть здесь объективными. Гитлер не выдумывал факты. Его наблюдения были в значительной степени верны, даже если у него не было никакого доступа к формальным данным или статистике. Евреи действительно доминировали в Вене, и даже еще больше они доминировали в Германии. Посмотрите на следующие цифры, процитированные Гордоном (1984: 8-15):

Читатель может быть удивлен тем, когда узнает, что евреи никогда не составляли большого процента от всего немецкого населения; никогда они не превышали 1,09 процента населения на протяжении 1871 – 1933 годов ... [Несмотря на это, евреи] были непропорционально высоко представлены в коммерции, торговле, и общественной и государственной службе ... В областях бизнеса и торговли, евреи ... составляли 25 процентов всех людей, занятых в розничной торговле, и осуществляли 25 процентов от общего объема продаж ...; им принадлежал 41 процент фирм, занимающихся железом и железным металлоломом, и 57 процентов других фирм, занимающихся металлом. ... Евреи [также] играли выдающуюся роль в частном банковском деле как в еврейской, так и в нееврейской собственности или под еврейским или нееврейским контролем. Они были особенно заметны в частном банковском деле в Берлине, где в 1923 было 150 частных (негосударственных) еврейских банков, в противоположность только 11 частным нееврейским банкам. ...

Эта тенденция сохранялась также в академических и культурных сферах: «Евреи были между 1870 и 1933 годами непропорционально высоко представлены среди профессоров университетов и студентов. ... Почти 19 процентов преподавателей в Германии имели еврейское происхождение. ... Евреи были также очень активны в театре, искусстве, кино, и журналистике. Например, в 1931 году 50 процентов из 234 театральных режиссеров в Германии были евреями, а в Берлине их число составляло даже 80 процентов ...»

Гитлер ничего не выдумывал.

Больше того, евреи действительно заискивали перед монархией, когда это было в их интересах, но они быстро стали бунтовать, если это могло принести им большую выгоду. Еврейские марксисты добились успеха в России и сыграли видную роль в Ноябрьской революции в Германии, что сделало их частично ответственными за поражение Германии в Первой мировой войне. Евреи стремились получить прибыль любым возможным путем: с помощью войны, коррупции, безнравственности, эксплуатации, обмана. И многие были сионистами: преданными идее создания еврейского государства в Палестине и желающими сделать все что угодно, чтобы достигнуть этого.

Что делать? Для Гитлера был только один логический вывод: вытеснить их. Это означало вытолкнуть их из общества, из экономики, и вернуть контроль над СМИ и правительством неевреям. Это означало создать *Judenrein*, «очищенное от евреев» или лишенное евреев, общество, которое было бы свободно от внутренней и внешней манипуляции еврейскими интересами. На самом деле этот вывод Гитлер сделал еще за много лет до того, как он начал писать *Mein Kampf*. В конце 1919 года, когда он только знакомился с *DAP*, он написал одному из своих офицеров письмо о том, как следует ответить на «еврейский вопрос». Это его поразительное раннее письмо заканчивается следующими словами:

«Рациональный антисемитизм ... должен привести к систематической и законной борьбе против и уничтожению привилегий, которыми пользуются евреи в сравнении с другими иностранцами, живущим среди нас (законы об иностранцах). Окончательной целью, однако, должно стать полное удаление всех евреев (*Entfernung der Juden überhaupt*) из нашей среды. Обе цели могут быть достигнуты только правительством национальной силы, но никогда не правительством национального бессилия». (в Мазер, 1974: 215)

Его взгляд не изменился ни в *Mein Kampf*, ни, очевидно, позже в его жизни. Его решение всегда было одним и тем же: вытеснить их. Полное удаление. Безжалостно, в случае необходимости, но они должны уйти.

Но вот один поразительный момент: за одним незначительным исключением Гитлер никогда не призывал к убийству евреев. Хотя его терминология на протяжении времени менялась, его слова всегда упоминали некоторую форму удаления: евреи должны быть «высланы», «депортированы», «искоренены». Их роль и их власть в немецком Рейхе должны быть «разрушены» или «ликвидированы». Но такие явные слова как 'убийство', 'расстрел', 'уничтожение', 'отравление газом', фактически никогда не появляются в его речах, письмах или даже частных беседах.

Одно единственное исключение находится в самом конце *Моей борьбы*. В Германии было приблизительно 600 000 евреев в начале Первой мировой войны, войны, которая закончилась смертью более двух миллионов немцев. Гитлер утверждает, что убийство «12 или 15 тысяч еврейских растлителей» в начале войны, ядовитым газом, вроде того, которое применяли против немецких войск на полях сражений, сберегло бы миллион жизней и привело бы к немецкой победе. Не всех евреев, или даже большинство из них; только одного или двух процентов было бы достаточно, чтобы сорвать их пагубные замыслы. Но это, кажется, было последнее такое упоминание у Гитлера, в любом задокументированном письменном или устном виде.

Английские источники всегда переводят формулировки Гитлера как желание «истребить», «разрушить», или «уничтожить» евреев; но это еще один обман. Ни одно из его настоящих слов не требует массовых убийств – или даже каких-то убийств вообще. Если бы евреи были изгнаны из Германии, то они были бы действительно 'истреблены' (буквально 'изгнаны за пределы границ'). Если с их контролем над экономикой было бы покончено, то их власть была бы действительно 'уничтожена' или 'уменьшена до нуля'. Если еврейское общество было бы удалено, то оно, как справедливо можно сказать, было бы 'разрушено' (буквально 'демонтировано' или 'устранено'). Жесткие слова Гитлера никогда особо не отличались от манеры речи любого другого мирового лидера, противостоящего заклятому врагу. Президент Обама часто говорит об «уничтожении» «рака» Исламского Государства, но ведь никто не обвиняет его в попытке геноцида.

Таким образом, мы не находим в *Mein Kampf* никаких слов о массовом убийстве (с единственным исключением), о лагерях смерти, геноциде, или чего-то другого в этом роде. Противники Гитлера напрасно ищут в этой книге признаки нависшего 'Холокоста', в котором якобы была убита масса немецких евреев. Мы приглашаем читателя сделать то же самое. В книге всего этого просто нет – к большому огорчению критиков Гитлера.

Из всего этого должно быть ясно, что Гитлер видел единственного настоящего врага только в евреях. Он не был каким-то ненавистником всего человечества. Он не любил французов, уважал англичан и американцев, и сочувствовал русским, но не ненавидел их. Даже «низшие» расы никогда не были мишенью его презрения, а скорее, вызывали в нем чувство жалости. Сегодня у нас складывается такое впечатление, будто бы в 1940 году весь мир дрожал от страха при мысли о захвате всего мира нацистами. Но это всего-навсего сфабрикованной пропагандой. Гитлер хотел править *мировой державой*, подобной всем другим крупным странам – но он никогда не хотел быть *правителем всего мира*.

Короче говоря, *если вы не были евреем, вам нечего было бояться*. Белым было нечего бояться – если они не позволили управлять собой еврейским марксистам или еврейским капиталистам. У латиноамериканцев, афроамериканцев и жителей Ближнего Востока, хотя они и считались людьми более низкого статуса, не было причин бояться. У Франции и Англии не было причин бояться – пока *они не* объявили войну Германии. У Америки никогда не было никакого повода бояться – пока Рузвельт не принял неблагоприятное решение спровоцировать Германию и Японию на конфликт. Всегда евреи и только евреи были для Гитлера врагом.

С еврейской точки зрения, конечно, это – окончательное зло: человек, который стремится разрушить еврейскую власть, конфисковать их неприлично огромное богатство, и создать общество без евреев. Если ему бы это удалось, и, если бы его новое общество процветало, это означало бы катастрофу для евреев во всем мире. Люди всюду могли бы начать чувствовать предательство в еврейском влиянии.

Вот из-за этого-то *Моя борьба* настолько опасна.

Наследие Гитлера

У Гитлера было большое и благородное перспективное видение для своего народа. Он отчаянно хотел, чтобы Германия заняла свое законное место в мире и подала пример для всех тех, кто стремился к чему-то лучшему, нежели грубому материальному существованию. В сравнении с ним социальное видение фактически любого мирового лидера двадцатого – или двадцать первого – века блекнет.

В уме у Гитлера были конкретные цели для его страны и конкретные планы их достижения. Он сталкивался с тремя фундаментальными вызовами: (1) восста-

новить экономику, (2) достичь безопасности и независимости, становясь мировой державой, и (3) создать идеалистическое, радостное и жизнеспособное немецкое общество. Он начал приводить свой план в действие, как только он пришел к власти в 1933 году. И это работало. Это работало настолько хорошо, что осажденная врагами, избитая до смерти, страдающая от гиперинфляции, кастрированная немецкая нация поднялась, чтобы стать мировой державой с удивительной скоростью. Подумайте: всего через три года Германия Гитлера обуздала инфляцию, уменьшила безработицу, и заставила промышленность снова работать – все это в разгар всемирной депрессии. Через шесть лет она стала мировой державой. Через восемь лет его страна была настолько влиятельна, что потребовались объединенные усилия практически всех остальных стран, чтобы победить ее.

Первые два аспекта его плана были достигнуты. Но остальная часть мира, частично мотивированная еврейской ненавистью, ревностью и злостью, не могла смириться с этим, и поэтому она стремилась сокрушить его и его Германию – что и было сделано. Реальная трагедия истории Гитлера состоит в том, что у него никогда не было времени, чтобы заняться его третьим большим вызовом: создать процветающее немецкое общество. К сожалению, мы никогда не узнаем о долгосрочных потенциальных последствиях национал-социализма, или о том, можно ли было вообще построить действительно великое общество.

Но что же относительно Холокоста? Что можно сказать о концлагерях и газовых камерах? Разве это не ужасный, неизбежный результат извращенного видения Гитлера?

Здесь мы видим, возможно, самый большой обман из всех. Чтобы показать миру ужасный результат мощного антисемитизма, следовало придумать, распространить и поддерживать сказку о монументальном человеческом бедствии. Бесспорная и трагическая смерть нескольких сотен тысяч евреев – включающая множество смертей из-за старости, болезней, ранений, самоубийств, и в боевых ситуациях – должна была стать «шестью миллионами». Жесткий тон в адрес евреев, нацеленные на изгнание их из Германии, должны были стать «эвфемизмами для массового убийства». Помещения, разработанные для дезинсекции одежды и постельных принадлежностей от распространяющих болезни вшей, должны были стать «смертоносными газовыми камерами». Сотни тысяч еврейских тел должны были быть сожжены дотла, превращены в пепел, а затем полностью исчезнуть. Пересыльные лагеря, построенные для перемещения евреев из Рейха в Трешлинку, Белжец, Собибор – должны были стать «лагерями смерти», разработанными для массовых убийств; и с применением выхлопных газов от дизельного двигателя, не меньше. И трудовой лагерь, в котором тысячи ев-

реев умерли от сыпного тифа – Освенцим, должен был превратиться в «самый большой лагерь смерти всех времен».

Ясно, что можно было бы сказать еще намного больше, чем может быть сказано здесь. Заинтересовавшимся читателям можно порекомендовать источники, такие как Далтон (2014b, 2015) или Рудольф (2011). Достаточно сказать, что Холокост в том виде, в каком его обычно изображают, является необоснованным, ненадежным, и необоснованным преувеличением эпических масштабов. Почти каждый аспект этой истории рушится, стоит лишь его тщательно проверить. Предполагаемый ужас Холокоста превращается, в конечном итоге, в историю лишения права собственности и изгнания одного особого меньшинства, которое обладало непропорциональной властью в стране, не хотевшей его, и несшего на себе непропорциональную вину за неудачи этой страны. То, что сами они должны были пострадать, не является удивительным результатом.

Моя борьба является оценкой одного человека истории и видения будущего. Эта оценка резкая, она грубая, она непримиримая. Она не соответствует современным ожиданиям вежливости, объективности и политкорректности. Она кажется оскорбительной современным чувствительным ушам. Но эта книга, бесспорно, важна. У нее было больше последствий, чем, возможно, у любого другого политического труда в истории. Она заслуживает того, чтобы быть прочитанной. И каждый читатель тогда будет волен определить для себя ее окончательную ценность и значение.

БИБЛИОГРАФИЯ

Barnes, J. 1980. *Hitler's Mein Kampf in Britain and America*. Cambridge University Press.

Dalton, T. 2014. «The Jewish Hand in the World Wars» (Part 2). Online: www.inconvenienthistory.com

Dalton, T. 2014b. «The Great Holocaust Mystery.» Online: www.inconvenienthistory.com

Dalton, T. 2015. *Debating the Holocaust* (2nd ed). Castle Hill.

Gordon, S. 1984. *Hitler, Germans, and the 'Jewish Question.'* Princeton University Press.

Hitler, A. 1927/1933. *Mein Kampf* (E. Dugdale, trans.) Houghton Mifflin.

Hitler, A. 1927/1939. *Mein Kampf* (J. Murphy, trans.) Hurst & Blackett.

Hitler, A. 1927/1939. *Mein Kampf* (A. Johnson et al, trans.) Reynal & Hitchcock.

Hitler, A. 1927/1939. *Mein Kampf* (W. Soskin, trans.) Stackpole Sons.

Hitler, A. 1927/1943. *Mein Kampf* (R. Manheim, trans.) Houghton Mifflin.

Hitler, A. 1927/1999. *Mein Kampf* (R. Manheim, trans.; A. Foxman, intro.) Houghton Mifflin.

Hitler, A. 2009. *Mein Kampf* (M. Ford, trans.) Elite Minds.

Hitler, A. 2009. *Mein Kampf Official Nazi English Translation*. Elite Minds.

Maser, W. 1974. *Hitler's Letters and Notes*. Harper and Row.

Rudolf, G. 2011. *Lectures on the Holocaust* (2nd ed). Barnes Review.

Источник: http://www.inconvenienthistory.com/archive/2016/volume_8/number_1/rethinking_mein_kampf.php

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив](#) сайта!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).